

Литрес ≡ Классика

Вальтер Скотт

ЧЕРНЫЙ КАРЛИК

Вальтер Скотт
Черный Карлик

«ЛитРес»

1816

ББК 84(4Вл)

Скотт В.

Черный Карлик / В. Скотт — «ЛитРес», 1816

В мрачных и пустынных холмах Южной Шотландии, неподалёку от границы с Англией, живёт таинственный отшельник по прозвищу Чёрный карлик – уродливый горбун и мизантроп, которого суеверные соседи считают колдуном. В это же время в судьбу юной Изабеллы Вер вмешивается жестокий расчёт её отца, а якобитский мятеж угрожает перевернуть всю округу. Водоворот заговоров, похищений и столкновений сводит героев с грозным отшельником, чьё прошлое хранит ключ к спасению девушки и раскрытию тайны его собственной трагедии.

ББК 84(4Вл)

© Скотт В., 1816

© ЛитРес, 1816

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	16
Глава IV	22
Глава V	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Вальтер Скотт
Черный Карлик**

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

Глава I

Предварительная¹

Было ясное апрельское утро. Предыдущей ночью выпал сильный снег, и земля оставалась покрытой ослепительно блестящим покровом дюймов на шесть глубины. В эту пору к гостинице «Уоллес» подъезжали двое всадников. Один из них был рослый мужчина крепкого сложения, в сером кафтане, широких дорожных шароварах из толстого сукна, в клеенчатой шляпе и высоких сапогах, а в руке у него был здоровенный хлыст в серебряной оправе. Ехал он на крупной и сильной бурой кобыле с жесткой шерстью, но хороших статей; седло под ним было

¹ «Черный Карлик», написанный в 1816 г., – один из романов, изданных Скоттом в серии, которую он назвал «Рассказы трактирщика» («Tales of My Landlord»). Кроме «Черного Карлика», в серию вошли романы: «Пуритане» (1816), «Эдинбургская темница» (1818), «Ламмермурская невеста» (1819), «Легенда о Монтрозе» (1819), «Граф Роберт Парижский» (1832), «Замок Опасный» (1832). Они написаны якобы неким деревенским учителем Питером Петтисоном по рассказам владельца гостиницы «Уоллес» в Гэндерклю. После смерти Петтисона другой вымышленный персонаж – гэндерклюский учитель и церковный псаломщик, или, как именует его Вальтер Скотт, «мой ученый друг и покровитель», мистер Джедедия Клейшботэм – будто бы издал сочинения покойного, чтобы покрыть издержки на его похороны. Об этом и сообщает В. Скотт в полусутоливых-полусерьезных предисловиях, предпосланных отдельным томам серии.

обыкновенного помещичьего фасона, а двойная уздечка – военного образца. Сопровождавший его человек был, по-видимому, слуга: он ехал на мохнатом сереньком пони, на голове носил мягкую синюю шапку, вокруг шеи был повязан большим клетчатым платком, вместо сапог был обут в длинные шерстяные чулки синего цвета, его руки были без перчаток и сильно перепачканы дегтем, а к своему спутнику он относился с почтительным вниманием, но без малейших признаков низкопоклонства и церемонности, свойственных людям его звания по отношению к представителям поместного дворянства. Напротив, они въехали во двор совсем рядом и чуть ли не в один голос произнесли следующую заключительную фразу своего разговора:

– Помилуй бог, коли такая погода долго продержится, что же мы будем делать с ягнятами!

Этого было достаточно для хозяина гостиницы: он вышел им навстречу, взял под уздцы господского коня, чтобы поддержать его, покуда всадник слезал с седла; конюх между тем оказал ту же услугу другому приезжему, и трактирщик, приветливо проговорив: «Добро пожаловать, милости просим!», тут же осведомился, нет ли каких вестей с южных гор.

– «Вестей»? – сказал фермер. – Да вести-то все плохие. Дай бог как-нибудь уберечь овец, а что до ягнят, то их придется поручить охране Черного Карлика.

– Да-да, – подхватил, покачивая головой, старый пастух (ибо таково было звание слуги), – нынче ему будет довольно хлопот с дохлой скотиной!

– Черный Карлик? – отозвался *мой ученый друг и покровитель*² мистер Джедедия Клейшботэм. – Это кто же такой будет?

– Ну, вот еще, – отвечал фермер, – неужто вы не слыхивали о Мудром Элши, Черном Карлике, о котором рассказывают столько всякой всячины? Я, впрочем, полагаю, что все это сущий вздор и враки, от начала и до конца.

– Однако же ваш отец крепко верил этому, – молвил старик, которому, очевидно, сильно не нравился скептицизм его хозяина.

– Он-то верил, Баулди, что и говорить! Но ведь это было еще в те времена, когда у нас и домовые водились, и прочая нечисть. Мало ли во что верили тогда, а теперь уж давным-давно никто не верит... с самых тех пор, как у нас выведена длинная овца.

– Тем хуже, тем хуже... очень жаль, что так! – сказал старый пастух. – Ваш батюшка, как я вам не раз говорил, был бы очень недоволен, кабы видел, что сломали старую башню и сложили из нее ограду для парка. А любимый его холмик, поросший мятликой, где он, бывало, сиживал по вечерам, укутавшись в плед, и так любил смотреть, как коровы возвращаются с поля в загон! Каково бы ему было видеть, что этот самый холмик теперь весь перепахан и засажен?

– Полно тебе, Баулди, – возразил фермер, – выпей лучше чарку, что подает тебе хозяин, и не ломай себе головы над теми переменами, которые происходят на свете, покуда сам ты здоров и благополучен.

– За ваше здоровье, господа! – молвил пастух. Он осушил свою чарку, заметил, что вино доброе, а потом продолжал: – Уж конечно, нашему брату не пристало судить о таких вещах, а все-таки я скажу, что славный был этот холмик, весь на солнышке, и мятлика на нем высокая, и куда как хорошо было бы приютить на нем ягнят в такое морозное утро, как, например, сегодня.

– Так-то так, – сказал фермер, – но ведь ты сам знаешь, что для длинных овец надо нам припасти кормовой репы и много для этого поработать и плугом и мотыгой, так уж тут некогда

² В настоящем случае, а также и в некоторых других, мы позволили себе выделить те словечки, которые уважаемый издатель этих страниц, мистер Джедедия Клейшботэм*, вставил, по-видимому самовольно, в текст, написанный его покойным другом, мистером Петтисоном. Раз навсегда считаем долгом заметить, что эти вставки почти исключительно встречаются в тех местах, где дело идет о личном характере и поступках этого ученого джентльмена; конечно, ему самому виднее, как именно следует выражаться насчет его личности и поведения. – *Примеч. авт.* Джедедия Клейшботэм* – вымышленный издатель «Черного Карлика» и ряда других романов В. Скотта.

сидеть на пригорках да надеяться на Черного Карлика, как у вас делалось в прежние времена, когда водились одни только короткие овцы.

– Правда, правда, хозяин, – отвечал пастух, – но на коротких овец, я думаю, и расход был покороче.

Тут мой *уважаемый и ученый* покровитель опять вмешался в разговор, заметив, что решительно никогда не мог разобрать, которые овцы длиннее, а которые короче.

На это фермер расхохотался во все горло, а пастух с удивлением вытаращил глаза и сказал:

– Да ведь это о шерсти говорится, о шерсти, а не о самой скотине, когда поминают про длину или короткость! Коли померить их спины, так, пожалуй, выйдет, что долгорунная будет покороче той, у которой короткое руно. Но нынче только шерстью и оплачивается земельная аренда, а на это немало нужно денег запастись.

– Да, Баулди говорит сущую правду, – заметил фермер, – покуда мы разводили коротких овец, цена на землю была не в пример дешевле. Мой батюшка платил за ферму всего шестьдесят фунтов в год, а мне она обходится в триста со всеми мелочами. Это так. Однако мне недосуг стоять да болтать по-пустому; хозяин, дайте-ка нам позавтракать да посмотрите, чтобы лошадей накормили как следует. Я хочу съездить к Кристи Уилсону, уговориться насчет цены, которую ему следует получить с меня за годовалых овец. На Босуэлской ярмарке мы с ним торговались, торговались, шесть кувшинов пива усидели и все не могли прийти к соглашению, все не состоялся торг... Боюсь, как бы и теперь даром не пришлось время потратить, пожалуй, от него толку не добьешься... Послушайте-ка, сосед, – продолжал фермер, обратившись к моему *почтенному и ученому* покровителю, – коли вам интересно узнать побольше насчет длинных и коротких овец, я ворочусь сюда непременно часу в первом пополудни, а если пожелаете послушать рассказни про Черного Карлика и про всякие подобные штуки, то вы раскошесь на кувшин пива, распейте его пополам с нашим Баулди, и он вам все выложит, как из ружья выпалит. А коли мне удастся уладить мое дело с Кристи Уилсоном, я и от себя вам выставлю еще один кувшин.

В назначенное время фермер действительно воротился, да еще не один, а вместе с Кристи Уилсоном: их торг сладился так благополучно, что не пришлось прибегать к судебному разбирательству. Мой *почтенный и ученый* покровитель не преминул присоединиться к их обществу, желая воспользоваться угощением, обещанным как для ума, так и для тела, *хотя всем известно, что касательно последнего он отличается крайней умеренностью*; хозяин трактира тоже примкнул к компании, и просидели мы за столом до позднего вечера, приправляя потребляемые напитки множеством отборных рассказов и песен. Последнее происшествие этого вечера, оставшееся у меня в памяти, состояло в том, что мой ученый и уважаемый покровитель свалился со стула, предварительно произнеся длинную речь в похвалу трезвости и заключив ее цитатой из «Скромного пастушка»³, откуда он заимствовал куплет, относившийся, собственно, к скупости, но весьма удачно применил его к пьянству:

В жизни, кто доволен малым,
Спит спокойно, без забот;
А излишек порождает
Тьму сомнений и хлопот.

В течение вечера не забыт был и Черный Карлик⁴, а старый пастух Баулди знал о нем столько рассказов, что сумел заинтересовать слушателей. Оказалось, между прочим, однако не

³ «Скромный пастушок» – пасторальная драма шотландского поэта Аллана Рэмзи (1686–1758).

⁴ Черный Карлик, ныне почти позабытый, в те времена слыл за очень важную особу в долинах пограничных предгорий, и на

прежде, чем опорожнили третью миску пунша, что и сам фермер далеко не так недоверчиво относился к этому предмету, как можно было подумать сначала: он заявлял себя вольнодумцем и прикидывался неверующим в старинные рассказы только потому, что считал подобную слабость неприличной для человека серьезного, делового, платящего до трехсот фунтов в год одной аренды, тогда как на самом деле он был далеко не прочь верить тому, во что верили его предки. Я, по обыкновению, пустился на разведку, порасспросил и других лиц, обитавших в той же дикой и пастушеской местности, где происходила следующая предлагаемая повесть, и, по счастью, мне удалось собрать многие нити этой истории, мало кому известные, но до некоторой степени могущие разъяснить такие обстоятельства, которые, по слухам, преувеличенным молвой, могли сходить за настоящие чудеса и подавать повод к самому нелепому суевию.

него обыкновенно сваливали в этих местах каждый изъясн в овечьем стаде, каждую порчу рогатого скота. Доктор Лейден*, не раз упоминающий о нем в своей балладе «Килдарский конь», говорит, что Черный Карлик был «колдун самого вредоносного сорта, настоящий скверный *дургар*». Наилучшее и наиболее достоверное описание этого таинственного и опасного существа встречается в рассказе, сообщенном автору этой книги известным исследователем старины Ричардом Сертисом**, эсквайром, из Мэнсфорта, автором «Истории Дургемского епископства». Согласно этому достоверному преданию, двое молодых людей, уроженцев Нортгумберленда, отправились на охоту и, увлекшись этой забавой, забрались в горные болота на границах Камберленда. Они сделали привал в глухой ложине, на берегу речки, и стали подкреплять свои силы провизией, которую принесли с собой. Поев, один из них уснул. Товарищ, не желая беспокоить его, тихонько вышел из ложины и стал оглядывать местность, но вдруг с удивлением увидел возле себя существо, принадлежавшее как бы не здешнему миру, такой это был отвратительный на вид карлик. Голова у него была такой же величины, как у обыкновенного взрослого мужчины, что составляло странное противоречие с общим его ростом, который был далеко ниже четырех футов. Вместо шапки у него был целый лес длинных, спутанных рыжих волос, свойством напоминавших шкуру барсука, а темно-бурым, красноватым оттенком похожих на окраску зацветающего вереска. Руки и ноги его казались чрезвычайно мощными, и вообще в нем не замечалось никакой неправильности сложения, помимо уродливо сокращенного роста, при полном развитии конечностей. Испуганный охотник стоял как вкопанный и с ужасом созерцал это страшное явление; между тем оно гневно нахмурилось и спросило его, по какому праву он, непрошенный, ворвался в эти горы и с чего вздумал уничтожать безобидных обитателей здешних мест. Не зная, что сказать, озадаченный охотник попробовал задобрить разъяренного карлика, предложив ему отобрать всю дичину на правах местного землевладельца. Но это еще сильнее рассердило карлика, который объявил себя властелином этих гор и покровителем всего зверья, искавшего пристанища в здешней глуши, так что ему противно смотреть на дичину, добытую ценой их жизни и страданий. Охотник смирился перед сердитым колдуном, уверял его, что не знал об установленных им законах, клялся, что никогда больше не будет его беспокоить своим присутствием, и, наконец, как будто умилившись. Карлик стал разговорчивее и сообщил, между прочим, что он нечто среднее между человеком и ангелом, а потом неожиданно прибавил, что имеет надежду способствовать искуплению сынов Адама. Он стал уговаривать охотника зайти к нему в жилье, говоря, что оно тут близехонько, и чеством заверил, что отпустит его без обиды. Но в эту минуту послышался возглас другого охотника, который окликал своего товарища, и карлик, быть может не желая показываться двоим сразу, исчез из вида в тот самый момент, когда молодой человек вышел из ложины и присоединился к своему спутнику. По общему мнению всех лиц, наиболее опытных в делах такого рода, если бы юный охотник пошел в жилье карлика, то, невзирая на успокоительные обещания, колдун или разорвал бы его на части, или замуровал бы на многие годы в какую-нибудь зачарованную горную пещеру. Таков последний из достоверных рассказов о появлении Черного Карлика. * Лейден Джон (1775–1811) – шотландский поэт, врач, востоковед и фольклорист. ** Ричард Сертис. – Очевидно, имеется в виду Роберт Сэртис (1779–1834), собиратель древностей и фольклора, сотрудничавший с В. Скоттом.

Глава II

Вы желаете изображать не иначе как Герна, охотника?
Шекспир. «Виндзорские проказницы»

В одном из отдаленнейших уголков южной Шотландии, там, где воображаемся черта, проводимая по вершинам обнаженных гор, отделяет эту страну от сопредельного ей королевства, возвращался с охоты на оленя молодой человек, по имени Галберт или Габби Эллиот, зажиточный фермер и потомок того Мартина Эллиота из Прикен-тауэра, о котором сохранилось немало преданий в пограничных летописях и песнях.

В старые годы водилось множество оленей в этой глухой и пустынной местности, но теперь они стали редки, и немногие оставшиеся стада укрывались в таких отдаленных и неприступных уголках, что охотиться за ними становилось все затруднительнее и рискованнее. Тем не менее в краю еще было много молодых людей, страстно предававшихся этой охоте, невзирая на сопряженные с нею труды и опасности.

Прошло уже более ста лет с тех пор, как пограничное население вложило свой меч в ножны после мирного соединения корон Шотландии и Англии на челе британского короля Иакова Первого⁵. Но страна все еще не совсем утратила следы своего прежнего боевого духа. Так как в минувшем столетии мирные занятия граждан многократно были прерываемы междоусобными войнами, жители не успели окончательно привыкнуть к ведению правильного хозяйства; они едва начинали заниматься овцеводством, и то в небольших размерах, и главной статьей доходов было все-таки откармливание рогатого скота по холмам и лощинам.

Поблизости от жилища фермера обыкновенно распахивался участок земли, на котором сеяли овес и ячмень в количестве, достаточном для прокормления хозяйской семьи, а обработка этого поля – сама по себе плохая и небрежная – требовала так мало времени, что и фермер, и его работники не знали, на что употребить свой досуг. Молодые люди проводили много времени на охоте и на рыбной ловле, и тот предприимчивый дух, который часто побуждал предыдущие поколения к разбойническим набегам и удалым побоищам, выражался в новейшую пору в страстном увлечении этими деревенскими забавами.

В тот момент, когда начинается наша повесть, наиболее отважные из юношей скорее с надеждой, нежели с опасением выжидали случая отличиться на военном поприще подобно своим предкам, подвиги которых составляли главный предмет рассказов и толков в семейных кругах. Прошедший тогда закон о безопасности⁶ Шотландии произвел в Англии переполох, потому что на основании его казалось вполне вероятным, что по смерти королевы Анны⁷, занимавшей в то время престол, государство снова распадется на два отдельных королевства. Тогдашний первый министр, Годолфин⁸, предвидел, что единственное средство избежать междоусобной войны – это установить заранее нераздельность государства.

Каким образом осуществилось это постановление и как мало можно было ожидать от него вначале тех благодетельных результатов, которыми оно ознаменовалось впоследствии, видно из летописей этого исторического периода. Для наших целей достаточно будет сказать, что вся Шотландия была в негодовании по поводу тех условий, на которых она по закону лиши-

⁵ Иаков. – Имеется в виду шотландский король Иаков VI (1567–1625), вступивший на английский престол в 1603 г., под именем Иакова I.

⁶ Закон о безопасности – принятый шотландским парламентом в 1703 г. закон, согласно которому король Англии может быть королем Шотландии лишь в том случае, если он обязуется охранять привилегии пресвитерианской церкви, а также свободу и торговые интересы шотландцев.

⁷ Королева Анна (1702–1714) – последняя английская королева из династии Стюартов.

⁸ Годолфин Сидней (1645–1712) – английский государственный деятель.

лась своей национальной независимости. Общее неудовольствие породило самые странные планы и повело к учреждению многих тайных обществ и заговоров. Даже камеронцы⁹ готовы были с оружием в руках восстанавливать на престоле династию Стюартов¹⁰, хотя с полным правом считали их своими врагами и гонителями; словом, тогдашние интриги так перепутали все интересы, что можно было встретить, например, такое удивительное зрелище, что католики, прелаты¹¹ и пресвитериане¹² дружно действовали заодно против английского правительства, так сильно воодушевляло их общее сознание несправедливости, оказанной их отечеству. Брожение было повсеместное; а так как население Шотландии, на основании закона о безопасности, вообще было приучено владеть оружием, то оказалось, что оно недурно подготовлено к войне и ждет только прокламации со стороны кого-нибудь из дворян, чтобы открыто начать враждебные действия. Таково было беспорядочное состояние общества в ту пору, когда начинается наше повествование.

Тот клейх, или дикая лощина, в которую попал Габби Эллиот в погоне за оленем, давно осталась позади; он уже возвращался домой и был довольно близко от своего жилья, когда начало темнеть. Это обстоятельство ровно ничего не значило бы для опытного охотника, который мог бы, зажмурив глаза, найти дорогу среди своих родных вересковых холмов; но дело в том, что ночная пора застигла его в окрестностях такого места, которое, согласно местным преданиям, пользовалось очень худой славой и служило притоном всяких сверхъестественных явлений. Габби с детства наслушался подобных рассказов, а так как ни в одном из уголков Шотландии не бывало такого множества разнообразных легенд, то можно поручиться, что не было и человека, до такой степени пропитанного страшными рассказами, как этот Габби из Хейфута, ибо таково было прозвище нашего приятеля в отличие от дюжины других Эллиотов, также окрещенных Галбертами.

Можно себе представить, что он, не напрягая памяти, припомнил все ужасы, сопряженные с обширным пустырем, через который предстояло ему теперь пройти, и даже так живо ему все это представлялось, что становилось положительно жутко.

Эта пустынная поляна называлась Меклстон-мур (то есть Поляна большого камня); около середины пустыря возвышался холм, а на вершине его толстая колонна из неотесанного гранита отмечала, вероятно, место погребения какого-нибудь древнего вождя или была воздвигнута в память о кровопролитной битве. Что именно означал этот памятник – было неизвестно, но предание, так же часто изобретающее небылицы, как и охраняющее истину, заменило здешнюю правду чистым вымыслом, и этот вымысел предстал теперь воображению Габби во всех подробностях.

Почва вокруг гранитного столба была усеяна и даже загромождена множеством обломков той же каменной породы, известных в окрестностях под именем Серых гусей Каменной поляны; это название было им дано вследствие общего их расположения, разбросанности и связанного с ними предания; а предание гласило, что в давно прошедшие времена жила поблизости одна злая и могущественная колдунья, которая навела порчу на овец, причиняла выкидыши коровам и вообще проделывала всякие вредоносные штуки, приписываемые особам ее звания. На этой поляне она, между прочим, водила хороводы со своими подружками, ведьмами, в доказательство чего и поныне указывают на земле круги, где никогда не растет ни

⁹ *Камеронцы* – последователи шотландского пресвитерианского проповедника Ричарда Камерона (ум. в 1680 г.).

¹⁰ *Стюарты* – королевская династия, правившая в Шотландии (с 1317 г.) и в Англии (1603–1649, 1660–1714). Происходила от старинного шотландского феодального рода, один из представителей которого получил звание королевского управляющего (стюарта).

¹¹ *Прелаты* – сторонники англиканской церкви, управляемой епископами, или прелатами.

¹² *Пресвитериане* – шотландские протестанты, отрицавшие власть епископов. Пресвитерианская церковь управляется выборными старейшинами – пресвитерами.

трава, ни вереск, и, следовательно, ясно, что эти места выжжены раскаленными копытами их присяжных кавалеров, чертей.

И вот однажды, говорит предание, шла колдунья по этому самому полю и гнала стадо гусей, которых намеревалась продать на соседнем рынке. Ведь известно, что дьявол никогда не скупится на передачу своих вредоносных сил, но в то же время часто оставляет своих приятелей в таком бедственном положении, что они бывают вынуждены исполнять всякую черную работу и добывать свое пропитание личным трудом. Время было уже позднее, а ей, ради успешной выручки, необходимо было раньше всех поспеть на базар. Но гуси, до тех пор послушно бежавшие вперед, придя на поляну, пересеченную множеством болотистых прудов и лужиц, увлеклись страстно любимой стихией и разбрелись во все стороны. Тщетно старалась она выгнать из воды и снова собрать в кучу свою команду; наконец, выйдя из терпения и забыв точный смысл статей своего договора с чертом, подрядившимся на известный срок исполнять ее желания, колдунья воскликнула:

– Дьявол, пусть же ни я, ни гуси никогда не уйдем с этого места!

Только успела она произнести эти слова, как началось превращение, столь же быстрое, как любое из описанных у Овидия¹³: сама старуха и все ее непослушное стадо окаменели на месте. Как видно, тот дух, которому она служила, был большой формалист и воспользовался случаем сразу погубить ее душу и тело, в то же время буквально выполняя ее желание.

Говорят, что когда она увидела, в чем дело, и почувствовала начало превращения, то сказала коварному черту:

– Ага, фальшивый обманщик, так вот как ты вздумал выполнить давнишнее обещание подарить мне серое платье!.. Ну, это будет прочно, мне его хватит на веки вечные!

Почитатели минувшего, любящие расхваливать старые годы и уверять, что нынче все измельчало и стало хуже прежнего, не раз приводили в пример эти камни и, указывая на размеры гранитного столба и окружающих обломков, говорили: «Вот какие прежде бывали большие старухи и крупные гуси!»

Все это проходило в уме Габби, покуда он шел через поляну. Вспомнил он также, что, с тех пор как приключилось упомянутое превращение, все добрые люди избегали подходить к этому месту, по крайней мере в сумерки, потому что тут обыкновенно водились всякие келпи, спунки¹⁴ и прочие бесы, прежние постоянные участники нечестивых игрищ колдуньи, и ныне продолжавшие навещать ее, невзирая на постигшую ее перемену. Габби от природы был отважного нрава, и потому мужественно боролся против охватившего его ужаса.

Он подозвал своих двух рослых борзых собак, с которыми никогда не расставался, отправляясь на охоту, и был уверен, что они не побоятся ни пса, ни дьявола, по его собственному выражению; тщательно осмотрел свое ружье и принялся насвистывать воинственную мелодию наподобие того, как полководец велит бить в барабаны, чтобы подбодрить своих солдат, когда не совсем уверен в их храбрости.

В таком состоянии духа он особенно обрадовался, услышав сзади знакомый голос, приветливо окликнувший его: это значило, что можно будет часть пути совершить вдвоем с приятелем. Он замедлил шаги, и вскоре его нагнал молодой человек, хорошо ему известный джентльмен, пользовавшийся некоторым достатком в этой глуши и так же, как он, проводивший день на охоте. Молодой Эрнсклиф, местный уроженец, только что достиг совершеннолетия и вступил во владение небольшим имением, сильно расстроенным по причине участия, принятого его родными в последних смутах. Семейство его пользовалось в краю всеобщим уваже-

¹³ Овидий – римский поэт (43 до н. э. – 17 н. э.), автор поэмы «Метаморфозы». В поэме пересказываются греческие и римские легенды, каждая из которых заканчивается метаморфозой – то есть превращением людей в животных, деревья, камни и т. п.

¹⁴ Келпи, спунки – домовые, оборотни.

нием и отличной репутацией, которую молодой человек был вполне способен поддержать, так как получил хорошее образование и отличался самым приятным характером.

– Ну, Эрнсклиф, – воскликнул Габби, – как же я рад, что с вами встретился! Это хорошо во всяком случае, а уж особенно кстати, когда приходится проходить через такой пустырь... тут что ни шаг, то ямы да провалы... Где же вы сегодня охотились?

– По ту сторону Карлова ущелья, Габби, – отвечал Эрнсклиф, пожимая ему руку. – Как вы думаете, наши собаки не подерутся?

– За своих я отвечаю, – сказал Габби, – они едва ноги волочат от усталости. Удивительное дело! Должно быть, олени совсем вывелись в нашей стороне. Я все окрестности исходил, был даже на вершине Ингерфела, и хоть бы единый рог видел! Только и встретил трех старых самок, да они меня ни разу не подпустили на выстрел, даром что я сделал обход в целую милю, чтобы подойти к ним с подветренной стороны. Мне-то самому, положим, от этого небольшая печаль, да хотелось достать дичины для нашей старой бабушки. Сидит себе старушка в углу за печкой и все толкует про то, какие были в старину искусные стрелки да хорошие охотники... А я так смекаю, что они у нас давным-давно всю дичь перебили.

– А я сегодня утром подстрелил прежирного оленя и уже отослал его со своим слугой в Эрнсклиф... Но вот что, Габби, я вам пришлю пол-оленя для бабушки.

– Покорно вас благодарю, мистер Патрик; правду говорят все, что вы добрая душа. Истинно обрадуете нашу старушку, особенно дорого это будет ей как доказательство внимания с вашей стороны. А уж вот бы одолжили, если бы сами пришли отобедать с нами; а то, я думаю, скучно вам одному в старой башне, покуда все ваши проживают в этом тоскливом Эдинбурге. Не понимаю, какая им охота оставаться среди длинного ряда каменных домов, под сланцевыми крышами, тогда как могли бы жить среди родных зеленых холмов!

– Мое воспитание и образование моих сестер задерживали матушку в Эдинбурге на несколько лет, – сказал Эрнсклиф, – но могу вас уверить, что я наверстаю потерянное время.

– И верно, вы маленько принарядите старую башню, – сказал Габби, – и будете водиться со старинными друзьями и соседями вашего дома, как подобает настоящему лэрду Эрнсклифскому? Я должен вам сказать, что матушка... то есть, я хотел сказать – бабушка, но с тех пор, как мы схоронили нашу родную мать, мы зовем бабку то бабушкой, то матушкой... ну, так она уверяет, будто бы вы ей не очень дальняя родня.

– Это правда, Габби, и я завтра с величайшим удовольствием приду к вам обедать в Хейфут.

– Отлично сказано! Мы с вами такие близкие соседи и к тому же родственники... и бабушка так жаждет повидать вас! Она то и дело поминает вашего отца и все еще рассуждает о том, как его убили в старину.

– Тс-с, Габби, об этом лучше не поминать... Эту историю следует предать забвению.

– Я не знал. Кабы такая история случилась промеж нашего брата, мы до тех пор помнили бы о ней, покуда не довелось бы как-нибудь отплатить за убийство... Впрочем, вам лучше знать, как делается в дворянском звании. Я слыхал, будто приятель лэрда Эллисло убил вашего батюшку уже после того, как сам хозяин обнажил меч...

– Ну полно, перестаньте, Габби. Это была глупая ссора, повздорили из-за политики, да еще под пьяную руку... тут и многие другие обнажили мечи... Мало ли что было, невозможно разобрать – кто кого прежде ударил.

– Во всяком случае, старый Эллисло и помогал и укрывал; и если бы вы были расположены отплатить ему за это, никто бы вас не осудил, потому что, как бы то ни было, у него на руках была кровь вашего отца. Да к тому же, кроме него, не с кого требовать ответа за это дело;

а он, вдобавок, и прелатист и якобит¹⁵. Так что в нашей стороне постоянно ждут, что между вами выйдет какая-нибудь история.

– Как вам не стыдно, Габби! – возразил молодой лэрд. – Считаете себя христианином, а сами подбиваете ближнего нарушить закон, возбуждаете к личной мести, да еще в такой глухой и болотистой местности, где бог весть кто может нас подслушать.

– Тише, тише, – сказал Габби, подходя ближе к своему спутнику, – я об этом и не думал совсем. Но я угадываю, мистер Патрик, что именно связывает вам руки. Всем известно, что храбрости у вас довольно; а причина вашей сдержанности не что иное, как серые очи красной девицы мисс Изабеллы Вэр.

– Уверяю вас, Габби, – отвечал его товарищ довольно сердито, – что вы ошибаетесь; и с вашей стороны очень, очень нехорошо, что вы не только позволяете себе произносить, но даже подумать нечто подобное. Да и я не намерен позволять, чтобы мое имя соединяли с именем какой бы то ни было девушки.

– Ну вот, так и есть, – преспокойно заметил Эллиот, – ведь я же говорил, что не от недостатка храбрости вы такой смирный! Ладно, ладно, это не в обиду вам сказано! А только вот что еще скажу я вам по дружбе: у старого лэрда Эллисло в жилах течет все та же старинная кипучая кровь, не то что у вас; ему небось дела нет до новомодных воззрений, будто тишь да гладь лучше всего. Он, напротив, только о том и думает, как бы по-старому выехать в поле, да подраться, да поколотить кого-нибудь; и всегда у него целая орава добрых молодцов, которых он кормит, поит и держит в порядке, а народ у него бодрый, бойкий, словно молодые жеребцы. Откуда берутся у него средства на это – никому не известно. Живет он широко, а доходов получает немного, однако же и в долги не входит... Ну а ежели случится в нашем краю восстание, он, наверное, из первых выступит в поход. А он не таковский, чтобы забыть старые счета, бывшие между вами. И я так полагаю, что он не прочь пощупать, крепка ли у вас старая башня в Эрнсклифе.

– Ну что же, Габби, – отвечал молодой джентльмен, – коли ему вздумается попробовать, я постараюсь дать ему хороший отпор, как и предки мои не раз давали отпор кое-кому почище его.

– Это так, это правда... Вот теперь вы говорите как следует мужчине, – сказал упрямый фермер, – и коли что такое случится, вы только прикажите слуге позвонить в большой колокол, что висит у вас в башне, и тотчас мы с братьями, да еще Дэви из Стенхауса, соберем своих людей и мигом явимся к вам на помощь.

– Спасибо, Габби, очень вам благодарен, – отвечал Эрнсклиф, – но я надеюсь, что в наше время уже не понадобится вести такую противоестественную и нехристианскую войну.

– Э, полноте, сэр! – возразил Эллиот. – Самая обыкновенная была бы соседская война, сущие пустяки; и ни на небе, ни на земле никто не подумал бы укорять вас за это в нашей глухой стороне. Ничего тут нет противоестественного; напротив, оно и для нашего края, и для жителей вполне натурально; не можем мы существовать так смирно, как лондонские граждане. У них, положим, и других дел много, а нам-то что делать, коли не воевать?

– Ну, Габби, – сказал лэрд, – для человека, твердо верящего в возможность сверхъестественных явлений, вы, право же, слишком смело беретесь направлять волю Божью, особенно если принять в расчет, через какие места мы идем.

– Раз вы сами не боитесь ходить через Меклстон-мур, чего же мне опасаться, Эрнсклиф? – сказал Габби, несколько обиженный. – Я и сам знаю, что тут водятся разные чудища и оборотни, да мне что за дело? У меня совесть чиста, вот разве случается иногда приволкнуть за девушками или на рынке провести кого-нибудь, так ведь это грехи не важные. Конечно, самому себя хвалить неловко, а все-таки скажу, что я парень тихий, безобидный...

¹⁵ Якобит – сторонник низверженного в 1688 г. английского короля Иакова II Стюарта и его потомков.

– А кто проломил голову Дику Тернбуллу, кто стрелял в Уилли Уинтона? – молвил его товарищ.

– Что это, Эрнсклиф, вы, должно быть, счет ведете чужим провинностям! Голова у Дика давно зажила, а мы с ним уговорились на Воздвижение опять померяться силами на ярмарке; так что, значит, это дело любовное. А с Уилли мы и подавно опять друзья – бедный парень! Впрочем, и всего-то попали в него две или три дробинки; я согласен хоть сейчас получить в себя такой заряд за бутылку виски! А Уилли, бедняга, не здешний уроженец, он с равнины, и уж сейчас струсил... Что до чудищ и оборотней, если бы и случилось нам встретить по дороге что-нибудь такое...

– А ведь может случиться, – сказал молодой Эрнсклиф. – Посмотрите-ка, Габби, вон ваша старая колдунья стоит.

– Я говорю, – продолжал Эллиот, негодую на подобный намек, – что хоть бы сама старая чертовка сейчас перед нами выросла из земли, я и то... Господи помилуй, Эрнсклиф, что это такое?

Глава III

– *Черный Карлик у болота,
Молви, как тебя зовут?*
– *Так и звать, кому охота:
Тут мой дом, и мой приют.*

Лейден

Предмет, мгновенно прервавший поток отважных речей юного фермера, был такого рода, что даже его менее суеверный спутник на минуту вздрогнул и притих. Луна, успевшая взойти, пока они разговаривали, по местному выражению «ныряла в облаках» и, появляясь изредка, проливали на окрестности непостоянный и смутный свет. Один из ее лучей, упавший на высокий гранитный столб, к которому они теперь приблизились, осветил у его подножия нечто похожее на человеческую фигуру; она была ростом гораздо ниже обыкновенного и медленно передвигалась между больших серых камней, как будто собиралась уходить, но что-то искала или была прикована к месту печальными воспоминаниями, изредка издавая глухие, бормочущие звуки. Все это было так похоже на появление ожидаемого призрака, что Габби Эллиот остановился как вкопанный, волосы на его голове встали дыбом, и он прошептал:

– Это она и есть... старая Эли! А что, не пустить ли в нее пулю благословясь?

– Ради бога, не делайте этого, – сказал его спутник, ухватившись за дуло ружья, которое тот уже поднял, начиная прицеливаться, – ради бога, не стреляйте! Это, наверное, какой-нибудь сумасшедший бедняк.

– Не с ума ли вы сходите сами, что намерены к «ней» подступиться ближе? – сказал Эллиот, в свою очередь удерживая товарища, хотевшего идти вперед. – Надо же сперва хоть молитву прочесть... вот только сейчас я ни одной припомнить не могу... но это мы успеем, покуда она сама к нам подойдет... Господи! Да она и не очень спешит, – продолжал он, понежко ободряясь под влиянием спокойствия своего товарища, а также и того, что призрак не обращал на них никакого внимания. – Вон как переступает с ноги на ногу, словно курица на горячей решетке... Я вам говорю, Эрнсклиф, – прибавил он шепотом, – обойдем лучше кругом; там хоть и болото, да неглубокое, всего по колено; а лучше же мягкая дорога¹⁶, чем плохая компания.

Однако, невзирая на задержки и уговоры, Эрнсклиф продолжал путь все в том же направлении и вскоре очутился совсем близко от странного человека.

При ближайшем рассмотрении он оказался еще ниже ростом, а именно немногим более трех футов, и – насколько можно было судить при столь слабом освещении – почти такой же ширины в плечах. Общее очертание его тела было шаровидное, что происходило, вероятно, от какого-нибудь прирожденного уродства. Молодой охотник дважды окликнул это удивительное создание, но ответа не получил. Между тем его товарищ не переставал щипать его и тащить прочь, желая этим убедить, что благоразумнее будет идти дальше, не беспокоя своим присутствием существо столь необыкновенной наружности. Когда же Эрнсклиф в третий раз спросил: «Кто вы и что здесь делаете в такую позднюю пору?» – в ответ на это раздался вдруг пронзительный, дикий и скрипучий голос, который заставил Эллиота попятиться назад, а его спутника вздрогнуть:

– Проходи своей дорогой и не спрашивай ничего у тех, кто ничего не просит у тебя!

¹⁶ Шотландцы употребляют слово «мягкий» для обозначения довольно неприятных вещей. Так, например, *мягкая дорога* – та, которая ведет через лужи и болота; *мягкая погода* – когда идет очень сильный дождь. – *Примеч. авт.*

– Что вы здесь делаете, так далеко от всякого пристанища? Может быть, ночь застигла вас в пути? Если хотите идти за нами («Боже сохрани!» – невольно вырвалось у Эллиота), то я дам вам ночлег в моем доме.

– Вот уж лучше бы я переночевал в одиночку на дне Тэрреса! – проворчал опять Габби Эллиот.

– Проходи мимо, – повторил опять тот же голос, еще более жесткий от овладевшего им гнева, – не нужно мне провожатых и ночлег не нужен... Вот уже пять лет, как я не бывал под кровлей человеческого жилья, да надеюсь и впредь никогда не бывать!

– Он помешан, – тихо сказал Эрнсклиф.

– Он похож как будто на старого Хэмфри Эттеркапа, лудильщика, что потонул в этом самом болоте лет пять тому назад, – сказал суеверный фермер, – только Хэмфри был не так широк в плечах.

– Ступайте прочь! – крикнул предмет, возбуждавший их любопытство. – Ваше человеческое дыхание отравляет мне воздух... звуки ваших человеческих голосов режут мне уши, подобно острым кинжалам!

– Господи помилуй, – прошептал Габби, – как эти покойники ненавидят живых!.. Должно быть, его душа уж очень мучается, я так смекаю.

– Послушайте, друг мой, – сказал Эрнсклиф, – вы, по-видимому, о чем-то сильно горюете, простое человеколюбие не позволяет нам покинуть вас здесь.

– «Простое человеколюбие»! – воскликнул странный человек, рассмеявшись презрительным смехом, более похожим на вопль. – Откуда у вас взялось это заманчивое словечко, этот силоч для ловли тетеревов, это пошлое прикрытие самого обыкновенного капкана, эта привада, которую всякий дурак с удовольствием хватает и, только проглотив, узнает, что под приманкой скрывался крючок, а зубцы его вдесятеро острее, чем у тех крючков, на которые вы ловите бессловесных животных, жертв вашей жадности?

– Говорю вам, друг мой, – сказал опять Эрнсклиф, – что вы не в состоянии судить о положении, в которое себя поставили. Вы погибнете, оставшись один в такой глуши, и мы, из сострадания, должны принудить вас следовать за нами.

– Ну, я тут ни при чем! – сказал Габби. – Пускай призрак делает что хочет, оставьте вы его, ради бога!

– Кровь моя падет на мою голову, если я здесь погибну, – произнес незнакомец, но, заметив, что Эрнсклиф подходит ближе и хочет взять его за руку, он прибавил: – А ваша кровь падет на вас, если вы хоть пальцем притронетесь к моей одежде и оскверните меня человеческим прикосновением!

Луна выплыла из-за облаков, и Эрнсклиф увидел, что в протянутой правой руке этого человека блеснуло какое-то оружие, не то лезвие длинного ножа, не то ствол пистолета. Было бы безрассудно далее приставать к человеку, так хорошо вооруженному и произносившему такие отчаянные речи, тем более что молодому человеку пришлось бы в одиночку с ним справиться, так как товарищ его предоставил ему ведаться с призраком как знает, а сам направился дальше, по пути к своему дому. Итак, Эрнсклиф повернулся и пошел вслед за Габби, по временам лишь оборачиваясь, чтобы еще раз посмотреть на мнимого помешанного, который, по-видимому, доведенный до ярости этими переговорами, бешено шагал вокруг гранитного столба, испуская дикие вопли и крики, странно отдававшиеся по всему обширному пустырю.

Некоторое время молодые охотники молча шли своей дорогой, покуда в ушах их не замерли окончательно отголоски этих зловещих звуков, и, следовательно, они успели довольно далеко отойти от Большого камня, в честь которого это урочище получило свое название. Каждый по-своему думал про себя о том, что они только что видели; наконец Габби Эллиот воскликнул:

– Да, можно поручиться, что этот призрак – если только он призрак – и наделал, и сам натерпелся достаточно всяких бед, покуда был жив, коли его все еще так коверкает даже после смерти!

– Это какая-то бешеная мизантропия, – молвил Эрнсклиф, отвечая на течение собственных мыслей.

– Так вы думаете, что это не дух? – спросил Габби.

– Я-то? Конечно, думаю.

– Ну, теперь, пожалуй, и я начинаю думать, что он, может быть, живой... А впрочем, не знаю... Я сроду не видывал ничего, что было бы так похоже на оборотня.

– Во всяком случае, – сказал Эрнсклиф, – я завтра приеду сюда посмотреть, что случилось с этим несчастным.

– Среди белого дня? – осведомился фермер. – Ну, в таком разе и я, благословясь, пошел бы с вами. Да вот что, мы теперь на две мили ближе от моей фермы, чем от вашего дома, так не лучше ли вам сегодня пройти прямо ко мне, а я пошлю своего работника верхом на пони сказать вашим домашним, что вы у нас ночуете. Ведь там небось никто вас не ждет, кроме прислуги да кошки?

– Будь по-вашему, друг Габби, – отвечал молодой охотник, – мне в самом деле не хотелось бы ни прислугу тревожить, ни кошку оставить без ужина из-за моего отсутствия, а потому я вам буду очень благодарен, если вы пошлете работника в Эрнсклиф, как предлагали.

– Ну, хорошо, это очень мило с вашей стороны. Стало быть, мы с вами вместе пойдем домой в Хейфут? Вот будут рады вас видеть мои домашние! За это я могу поручиться.

Решив этот вопрос, они бодро пошли дальше, и, когда очутились на вершине довольно крутого холма, Габби Эллиот воскликнул:

– Знаете, Эрнсклиф, как я рад каждый раз, как прихожу на это место! Видите свет там, внизу? Это огонь в окне нижних сеней, где сидит моя старая бабушка и, наверное, прядет на своей прялке. А вон наверху другой огонек... мелькает взад и вперед мимо окошек... Это хозяйничает моя кузина, Грейс Армстронг. Она делает в доме вдвое больше дел, чем мои сестры, и они сами признают это, потому что они предобрые и отличные девочки. Они говорят, да и бабушка подтверждает, что она всех их ловчее и проворнее, с тех пор как сама бабушка почти без ног. А братья мои – один поступил на службу к важному барину, а другой на Моссфадреге, на нашей дальней ферме, он там присматривает за хозяйством не хуже меня.

– Счастливы же вы, мой друг, что у вас так много хороших родных!

– Да уж, это правда! Есть мне за что благодарить Бога. А скажите, пожалуйста, Эрнсклиф, вот вы были в коллегии и в университете в Эдинбурге, стало быть, учились в таких местах, где учат наукам как следует... Как по-вашему... не подумайте, впрочем, чтобы этот вопрос касался меня лично, но я слышал, как священник из Сен-Джона спорил об этом с нашим пастором; дело происходило во время зимней ярмарки, и надо им отдать справедливость – оба говорили прекрасно. И вот священник уверял, будто грех жениться на кузине, а, по-моему, наш пастор гораздо тверже его приводил тексты из Священного Писания. Наш пастор ведь считается наилучшим богословом и самым искусным проповедником из всех городов, отсюда до Эдинбурга... Как вы думаете, он был правее священника?

– Без сомнения, все христиане протестантского исповедания почитают брак настолько свободным установлением, насколько указано Богом в Книге Левита. Так что, по-моему, Габби, ни по гражданским, ни по церковным законам не может быть препятствий между вами и мисс Армстронг.

– Пойдите вы со своими шутками, Эрнсклиф, – возразил его спутник, – сами небось тотчас ошестинитесь, коли вас заденешь за живое! Я вас спрашивал совсем не из-за Грейс. Надо вам знать, что она мне по-настоящему ни двоюродная, ни троюродная, потому что она дочь дядиной жены от первого брака, стало быть, вовсе мне не родня, а так, что называется, мы в

свойстве... Ну, вот мы пришли на Шиллинг-хилл, и я теперь выстрелю из ружья, чтобы они знали, что я близко. Я всегда так делаю. Если бы я принес оленя, то выстрелил бы два раза, один раз в честь дичи, другой за себя.

Он выстрелил, и тотчас в окнах замелькали огни, как будто прошли через дом и остановились снаружи, перед жильем. Габби Эллиот указал Эрнсклифу на один огонек, направлявшийся от дома, по-видимому куда-то во двор.

– Это Грейс идет, – сказал Габби, – она ни за что не пойдет встречать меня у дверей, а все-таки никто, кроме нее, не вспомнит присмотреть за тем, чтобы моим собакам было чем поужинать, бедняжкам.

– «Любишь меня – люби и мою собаку»! – молвил Эрнсклиф, цитируя известную пословицу. – Ах, Габби, какой вы счастливый человек!

Это восклицание сопровождалось таким вздохом, которого спутник его, как видно, не мог не заметить.

– Что ж, не я один счастливек на свете, – сказал Эллиоту, – о, я не раз видал, как мисс Изабелла Вэр оборачивалась и смотрела вслед одному молодчику, когда он проезжал мимо на скачках в Карлайле. Почему знать, что еще может случиться в жизни?

Эрнсклиф пробормотал сквозь зубы какое-то замечание, но было ли это подтверждение высказанной мысли или наоборот, – разобрать было трудно, да и сам бормотавший, кажется, не желал выяснять этот вопрос. Между тем они спустились с широкого затона, окаймлявшего подножие крутой горы и очутились перед фермой под тростниковой кровлей, служившей скромным, но прочным и удобным жилищем для Габби Эллиота и его семейства.

В дверях виднелась целая толпа веселых лиц; но, завидев постороннего, они прикусили язычки и не высказали половины тех шуток, которые предназначались для поднятия на смех Эллиота, пришедшего с охоты с пустыми руками. Произошло легкое замешательство; три красивые молодые девушки спрятались за дверь, подталкивая друг друга вперед и стараясь свалить друг на друга обязанность принять гостя и ввести его в дом; впрочем, вероятно, каждая думала о том, как бы поскорее скрыться в свою комнату и немножко подправить свой туалет, чтобы не являться перед чужим человеком в домашнем платье, годном лишь в присутствии родного брата.

Наконец Габби энергически выругал их всех (правда, Грейс между ними не было), выхватил свечу из рук одной из деревенских кокеток, жеманившейся на пороге, и ввел гостя в семейный зал или, лучше сказать, в большие сени, потому что этот дом в старые годы также играл роль защищенной крепости, и, следовательно, сборный зал был со сводами, с каменным полом и толстыми стенами, сырой и унылый по сравнению с веселыми гостинными нынешних ферм. Но теперь он был ярко освещен приветливым огнем камина, наполненного торфом и ивняком, и Эрнсклифу показалось тут очень уютно, особенно после долговременной ходьбы в темноте по горам, пронизанным холодным ветром.

Почтенная старушка несколько раз и в самых приветливых выражениях поздоровалась с гостем. Она была одета просто, но прилично: в большом чепце с висячими лопастями, в плотно сидевшем на ней платье из домашней шерсти собственной пряжи, как подобало вдове простого фермера; но широкое золотое ожерелье и длинные золотые серьги в ушах изобличали в ней даму дворянского происхождения. Сидя в плетеном кресле в одном из углов у громадного камина, она распоряжалась вечерними занятиями своих внуков, а также двух или трех здоровенных служанок, которые, сидя позади своих барышень, усердно работали веретенами.

Когда все как следует поздоровались с Эрнсклифом и наскоро распорядились насчет некоторых добавлений к домашнему ужину, бабушка и сестры начали поддразнивать Габби Эллиота насчет его неудачной охоты.

– Напрасно Дженни трудилась разводить огонь на кухне, – сказала одна из сестер. – Для той дичи, которую принес Габби, не стоило так хлопотать.

– И правда, что не стоило, – подхватила другая. – На очаге оставалось довольно саж; если бы ее немножко раздуть, вот и готов был бы огонь, и всю сегодняшнюю добычу можно бы на нем зажарить.

– Э, да для этого и свечного огарка довольно, лишь бы его ветром не задуло, – молвила третья. – Будь я на его месте, я бы хоть ворону принесла домой, чем в третий раз являться, не найдя даже козьего рога, в который можно хоть трубить.

Габби повертывался то к одной, то к другой, взглядывая на них с грозно нахмуренными бровями, но смеющееся выражение лица слишком явно опровергало этот притворный гнев. Наконец, чтобы их задобрить, он объявил о подарке, обещанном назавтра любезным гостем.

– Когда я была молода, – молвила старушка, – мужчина постыдился бы воротиться домой, кабы по бокам его лошади не висело по оленю, вот как нынешние скупщики возят телят.

– Хорошо, кабы они для нас маленько оставили дичи, бабушка, – возразил на это Габби. – Эти ваши старые кавалеры-молодцы никак всю дичину в краю перебили.

– Нет, есть такие, что и нынче находят дичину, это только ты не умеешь ее находить, Габби, – молвила старшая сестра, искоса взглянув на молодого Эрнсклифа.

– Ну ладно, ладно, голубушка, всякому псу своя удача... Вы меня извините, Эрнсклиф, это есть такая пословица. В другой раз его удача достанется мне, а моя ему. А мне нынче и вправду не везет: целый день я шатался понапрасну, на обратном пути еще испугался... то есть нет, не то чтобы испугался, а удивился, встретив оборотня; а как пришел домой, так и накинулась на меня целая вереница баб, которым целый Божий день больше делать нечего, как сучить нитки веретенами либо тыкать иголкой.

– Испугался оборотней! – воскликнули хором все женщины, ибо сильна была в то время, а может быть, еще и теперь, вера в подобные небылицы, особенно в такой глуши.

– Да нет, не то что испугался, а так только, подивился, когда увидел. Он всего один и был... Эрнсклиф, ведь и вы его видели так же хорошо, как я!

И Габби без особых преувеличений рассказал по-своему об их удивительной встрече у гранитного столба и о таинственном незнакомце, прибавив, что решительно не может понять, кто такой это может быть: сам ли сатана из преисподней или какой-нибудь пикт¹⁷ из тех, что владели страной в давно минувшие времена.

– Какой там пикт! – воскликнула бабушка. – Нет-нет, сохрани тебя Боже от всякого наваждения, мое дитяtko, это был совсем не пикт, а просто черный болотный бес! Ох, плохие времена наступают! Чего еще нужно этим бесам, что опять они лезут к нам мутить страну, которая только что успокоилась и стала жить по Божьему закону, в мире и любви? Ох, пропадай он совсем! Не к добру он является, здесь ли, в других ли местах! Мой отец, покойник, много раз рассказывал мне, как его видали в тот год, как случилось кровавое побоище при Марстон-муре¹⁸, и потом еще во время смут при Монтрозе¹⁹, и перед битвой под Дунбаром²⁰, а в мое время его видели перед тем, как приключилась резня у Босуэлова моста...²¹ И еще, говорят, что лэрд Бенарбек, тот, что был ясновидящий, шушукался с ним перед тем, как Аргайл

¹⁷ Пикты – одно из кельтских племен, населявших Шотландию в древности.

¹⁸ *Побоище при Марстон-муре* (1644) – сражение, в котором войска английского парламента и шотландцев под командованием Кромвеля разбили армию короля Карла I.

¹⁹ *Монтроз* Джеймс, маркиз (1612–1650) – руководитель шотландских роялистов, сторонников низложенного короля Карла I. В 1643–1645 гг. одержал ряд побед, но был разбит шотландским генералом Дэвидом Лесли (1601–1682) в сражении при Филипхоу 13 сентября 1645 г. и бежал из Шотландии. В 1650 г., во время новой попытки восстановить на престоле Стюартов, был схвачен и казнен.

²⁰ *Битва под Дунбаром*. – В 1650 г. под Дунбаром войска Кромвеля разгромили шотландских роялистов, руководимых сыном Карла I, будущим Карлом II.

²¹ *Резня у Босуэлова моста*. – В 1679 г. шотландские пуритане были разбиты правительственными войсками под командованием герцога Монмута у Босуэл-бриджа.

высадился на наш берег²²; но об этом я не знаю наверное, это было далеко на западе, не в наших местах... Ох, детушки, он является не иначе, как перед бедой, так уж вы молитесь Богу хорошенько. Он один может нас спасти и помиловать в тяжкую годину!

Тут Эрнклиф стал успокаивать старушку, выразив твердое убеждение, что виденное ими существо – какой-нибудь бедняк сумасшедший, а отнюдь не сверхъестественное видение, посланное с того света возвещать войну или иные бедствия. Но все его уверения встречены были холодно, и присутствующие хором уговаривали его не возвращаться завтра на то место.

– Ох, дитятко мое милое, – сказала старушка (по доброте души она начинала обращаться по-матерински со всяким, к кому лежало ее сердце). – Вам-то и следует беречься больше, чем всякому другому, вашему дому нанесен был тяжкий удар, пролилась кровь вашего отца, а потом начались тяжбы, судебные преследования и всякое разорение. А теперь вы один в семье цветочек расцвели, на вас вся надежда, вы должны поднять свое родовое жилище, и, коли будет на то Его святая воля, вы будете славой своего отечества и поддержкой для своих земляков. Стало быть, вам-то и не следует пускаться ни в какие рискованные предприятия, а вести себя умненько, осторожно, потому что ваша порода горячая, чересчур предприимчивая, и уж сколько от этого бед было в вашей семье!

– Но, добрый друг мой, неужели вы желали бы, чтобы я струсил пойти среди белого дня на открытое поле?

– Уж и не знаю, – отвечала добрая старуха. – Конечно, я никогда не стала бы отговаривать ни родного сына, ни доброго друга от хорошего дела, все равно, кто бы его ни затевал, и хотя бы мне самой от этого никакого проку не было; но не могу я вышибить из своей старой головы, что идти навстречу явному злу, без всякой законной причины, – грех великий и, значит, идти против Священного Писания!

Эрнклиф перестал спорить, видя, что нет возможности никого урезонить; принесли ужин, и это обстоятельство положило конец неприятному разговору. Как раз в эту минуту явилась мисс Грейс Армстронг, и Габби, застенчиво оглянувшись на Эрнклифа, сел за стол рядом с нею. Завязалась опять оживленная и веселая беседа, в которой старушка, хозяйка дома, приняла самое милое участие, и вскоре на щечках молодых девушек снова появился яркий румянец, совсем было покинувший их под влиянием страшного рассказа их брата о призраке. После ужина еще часок посвятили песням и танцам, и так славно развеселились, как будто на свете никогда не бывало ни бесов, ни оборотней.

²² ...перед тем, как Аргайл высадился на наш берег... – Имеется в виду граф Арчибалд Аргайл (ум. в 1685 г.), представитель шотландского клана Кэмпбелов. В 1681 г. был обвинен в государственной измене и бежал в Голландию. В 1685 г. высадился с небольшим отрядом в Шотландии с целью свержения короля Иакова II, но был схвачен и казнен.

Глава IV

*Я мизантроп, питаю отвращенье
К людской породе; что же до тебя,
Желал бы я, чтобы ты собакой был:
Тогда б я полюбил тебя немного!*

Шекспир. «Тимон Афинский»

На другой день, после завтрака, Эрнсклиф простился с гостеприимными хозяевами, обещая не опоздать к обеду, чтобы вместе с ними отведать дичи, доставленной на ферму из его дома. Габби как будто откланялся ему у своей двери, но потом выскользнул вон из дома и нагнал его на вершине холма.

– Вы, наверное, туда пойдете, мистер Патрик. Ну, чтобы там матушка ни говорила, а я от вас не отстану. Я счел за лучшее, однако, потихоньку уйти из дому, чтобы она не догадалась, куда мы с вами отправляемся, потому что огорчать ее я ни за что не хочу. Покойный отец перед смертью все об этом говорил, чтобы ни в каком случае ее не обижать.

– Еще бы, Габби, – сказал Эрнсклиф, – она стоит того, чтобы ее побережь.

– О, коли на то пошло, ведь она и о вас стала бы убиваться почти так же, как обо мне. А как вы полагаете, в самом деле, это ничего, что мы опять сунемся туда? Собственно говоря, ведь на то наша добрая воля и ничто нас не принуждает к тому?

– Если бы я был вашего мнения, Габби, – отвечал молодой джентльмен, – я бы, может быть, и не стал мешаться в это дело; но так как я убежден, что сверхъестественных явлений не бывает или, по крайней мере, в наше время они большая редкость, мне как-то совестно отказываться от исследования этого предмета, потому что, быть может, от этого зависит жизнь или смерть бедняги помешанного.

– Ну, коли вы так думаете, то и ладно, – сказал Габби неуверенным тоном, – а что до волшебниц... то бишь, до добрых соседок – люди говорят, будто они не любят, чтобы их звали волшебницами, – прежде их встречали под вечер чуть ли не на каждой кочке, а нынче их совсем не видать. Не могу похвастать, чтобы я сам встречался с ними. Только один раз: шел я через болото да и слышу, как позади меня кто-то свистнул во мху... ни дать ни взять, как чибис... А вот батюшка мой, покойник, не раз видал, возвращаясь с ярмарки в вечернюю пору и, уж конечно, маленько выпивши, царство ему небесное.

Эрнсклиф внутренне посмеялся тому, как ясно выразилось в этом рассказе постепенное ослабление суеверия, по мере того как оно передавалось от отца к сыну; и они продолжали беседовать на эту тему, пока не пришли к гранитному столбу, стоявшему среди пустыря.

– Так и есть, – молвил Габби, – вон он опять бродит на том же месте. Но теперь светло, и у вас ружье, а я захватил с собой нож... стало быть, ничего, можно и поближе подойти.

– Само собой разумеется, – сказал Эрнсклиф, – но я не могу понять, что это он такое делает?

– Как будто каменную плотину строит; видите, из Серых-то гусей, как прозвали все эти рассеянные камни... Вот странно! Я никогда не слыхивал ни о чем подобном.

Подойдя ближе, Эрнсклиф вынужден был согласиться с мнением своего товарища. Человеческая фигура, виденная ими накануне вечером, медленно и упорно трудилась, нагромождая большие камни друг на друга, как будто намереваясь сделать из них толстую ограду. Материала было множество, но работа была крайне утомительная по причине крупных размеров большей части камней; и было изумительно, каким образом удалось ему своротить с места некоторые

глыбы, послужившие фундаментом зданию. В ту минуту, как молодые люди приблизились к нему, он был так занят перетаскиванием огромного камня, что не заметил их, пока они не подошли совсем близко. Поднимая свою тяжелую ношу и устанавливая камень на определенное место, он выказал такую необычайную мощь, которой никак нельзя было ожидать от такого крохотного уродца. Судя по трудностям, которые он успел преодолеть, можно было подумать, что он одарен геркулесовой силой: иные из сложенных им камней в пору было двоим мужчинам сдвинуть с места.

В уме Габби опять шевельнулись прежние подозрения, глядя на такие сверхъестественные подвиги.

– Я почти уверен, что это призрак хорошего каменщика... глядите, какую он штуку наворотил! А если это все-таки живой человек, хотелось бы мне знать, что он возьмет, чтобы сложить плотину через болото. Нам бы очень не лишнее было соорудить что-нибудь в этом роде от Кринглхопа до Шоса... Эй, добрый человек! – тут Габби возвысил голос. – Как вы хорошо да прочно работаете!

Тот, к кому он обратился, поднял на него вытаращенные глаза и, выпрямившись из своего наклонного положения, предстал перед ними во всем безобразии своего уродства. У него была огромная голова, покрытая шапкой спутанных волос, частью поседевших от времени; кустистые, взъерошенные брови торчали над глубокими впадинами маленьких, темных и пронизательных глаз, в эту минуту вращавшихся в каком-то диком безумии. Остальные черты лица его были того грубого, крупного типа, который художники придают сказочным богатырям; к этому нужно прибавить еще выражение суровости и злобного недоверия, свойственного по большей части людям от рождения неправильно сложенным. Его широкоплечее и плотное туловище было посажено на большие ступни, а ноги и бедра как будто отсутствовали, по крайней мере, были так коротки, что из-под одежды их не было видно. Руки были длинные, мускулистые, и там, где в пылу работы рукава отвернулись, видно было, что они покрыты жесткими черными волосами. Казалось, будто природа, создавая его члены, предназначала их первоначально для великана, но потом раздумала и придала их карлику, – так мало эти длинные руки и мощное туловище соответствовали его росту. На нем было нечто вроде блузы из грубой ткани коричневого цвета, подпоясанной ремнем. На голове у него была шапка из барсучьего меха, с грубо торчащими волосами, что еще усиливало общее впечатление уродливости этой странной фигуры и мрачности лица, выразившего суровое недоверие и ненависть к людям.

Станный карлик молча уставился на молодых людей своим зловещим, раздраженным взором; наконец Эрнскиф, желая как-нибудь смягчить его, промолвил:

– Вы предприняли тяжкий труд, друг мой; позвольте, мы вам поможем.

Вместе с Эллиотом он поднял камень и положил его на довольно уже высокую стенку. Карлик смотрел на них строгим и критическим оком подрядчика и несколькими нетерпеливыми жестами выразил досаду на то, как долго и неловко они укладывают камень на место. Затем он указал им на другой – они тотчас сделали то же, потом на третий, на четвертый, и они продолжали действовать под его руководством, хотя это было совсем нелегкое дело, так как он, точно нарочно, указывал на самые крупные и увесистые глыбы из лежавших поблизости.

– Ну, друг, – молвил Эллиот, когда неугомонный карлик протянул руку к громадному камню, превосходившему объемом все предыдущие, – Эрнскиф пускай себе делает как хочет; по мне все равно, бес ли ты или живой человек, а я не намерен больше ломать себе пальцы и надирать спину, ворочая камни точно поденщик, и хоть бы ты мне за это спасибо сказал.

– «Спасибо»! – воскликнул карлик тоном глубочайшего презрения. – Изволь, прими мою благодарность на здоровье! И пусть она принесет тебе столько же счастья, как мне, когда ее расточали передо мной... И как всякому жалкому смертному, слышащему повторение этого словечка из уст себе подобного, жалкого червя!.. Прочь отсюда! Или работай, или ступай прочь!

– Слышите, Эрнсклиф, какой награды мы с вами дождались за то, что строили пристанище для беса, да еще, того и гляди, душу свою опоганили этим делом!

– Наше присутствие, – сказал Эрнсклиф, – очевидно, только пуще его раздражает; лучше уйдем отсюда и пришьем ему с кем-нибудь из прислуги кое-какой провизии и самых необходимых вещей.

Так они и сделали. Слуга, посланный на пустырь, застал карлика все еще за постройкой стены, но не мог добиться от него ни единого слова. Впрочем, этот парень, насквозь пропитанный местными предрассудками, недолго приставал к нему с расспросами и, положив все принесенное с собою на камень на некотором расстоянии от карлика, ушел, предоставив ему распоряжаться как знает присланными ему подарками.

День за днем карлик продолжал трудиться так прилежно, что результаты его усилий казались баснословными. Ему удавалось в течение одного дня выполнить работу, которую впору было сделать двоим, и вскоре его постройка приняла вид избушки, правда, очень маленькой и сложенной только из камней и торфа, без всякого цемента, но зато стены ее благодаря величине употребленных на нее камней были так толсты и прочны, как редко случается с домами таких скромных размеров и бесхитростной архитектуры. Эрнсклиф, внимательно следивший за ходом его работы и заметив, к чему она клонится, послал и велел сложить поблизости несколько деревянных брусьев для устройства крыши, а на другой день намеревался привести туда работников, чтобы установить стропила; но опоздал, потому что с вечера, всю ночь и с раннего утра карлик работал так ловко и усердно, что установка крыши была уже почти окончена. После этого он принялся резать тростник и настилать его на свою кровлю, проявляя и в этом деле удивительное проворство и умение.

Так как было очевидно, что ему неприятно принимать помощь от кого-либо, исключая случайных прохожих, Эрнсклиф старался незаметно доставлять ему только материалы, годные для его надобностей, и некоторые инструменты, которыми он владел довольно искусно. Таким образом, он сам сделал себе дверь, окно, нечто вроде кровати и несколько полок по стенам.

По мере того как все это приводилось в исполнение, нрав его становился как будто менее угрюм.

Покончив со своим жилищем, он принялся обносить его крепкой оградой, а затем стал обрабатывать почву вокруг домика и до тех пор перекапывал ее и перемешивал с навозом, покуда не устроил себе садика.

Нет сомнения, что этот отшельник, как уже упомянуто выше, не раз получал помощь извне, от случайных прохожих или от людей, нарочно приходивших любопытствовать, что он тут делает. И в самом деле, глядя, как этот несчастный уродец без устали постоянно работает, тогда как по особенностям его сложения это казалось для него совсем непосильным трудом, каждый прохожий невольно останавливался, стараясь хоть чем-нибудь пособить ему. Но так как случайные посетители не могли сообщать друг другу о том, в чем именно они ему помогали, а в результате все работы карлика подвигались вперед с необыкновенной быстротой, эта-то быстрота и казалась всем необъяснимой и прямо-таки сверхъестественной. Прочный и солидный вид домика, построенного в столь короткое время, и притом таким убогим существом, а потом его мастерство по части механики и других ремесел пробудили в соседях подозрения особого рода. Окрестное население перестало считать его призраком, успев убедиться по многим признакам, что он существо, одаренное плотью и кровью, но они решили, что он находится в сношениях с нечистой силой и для того избрал местом жительства этот пустырь, чтобы без всякой помехи сообщаться с бесами. Уверяли, хотя не в том смысле, как понимают это философы, что когда он остается один, то это не значит, чтобы он был в одиночестве; что с тех высот, которые окружают болото, путники не раз замечали издали, как рядом с отшельником ходит кто-то другой, но, когда они приближались к этому месту, он исчезал бесследно. Такую же фигуру видали иногда сидящей рядом с карликом у его двери, гуляющей по поляне

или помогающей ему тащить воду от колодца. Эрнсклиф, желая объяснить это явление, высказал мысль, что это могла быть тень самого карлика.

– Как бы не так! – возражал на это Габби Эллиот, стойкий защитник общественного мнения. – Он слишком близкий приятель старой колдуньи, чтобы у него могла сохраниться тень! К тому же, – рассуждал Габби, – кто когда видывал, чтобы тень приходилась между человеком и солнечным светом? И еще эта штука, кто бы она там ни была, гораздо худощавее и выше его ростом, и люди сто раз видали, как она ходит с ним рядом, заслоняя его от солнца.

Подобные подозрения, которые в другой части страны повлекли бы за собой дознания и очень неприятные для карлика последствия, здесь произвели только то, что к нему относились с большим благоговением. Отшельник был, по-видимому, доволен признаками робкого почтения, с каким прохожий, приближаясь к его жилищу, вздрагивал от ужаса, оглядывался на его фигуру, на обстановку и, ускоряя шаги, спешил пройти мимо. Наиболее отважные решались остановиться на несколько мгновений, поглазеть на стены избушки, на садик и в виде извинения отвешивали хозяину низкий поклон, на который тот отвечал иногда одним словом или просто кивал головой. Эрнсклиф часто проходил этой дорогой и редко пропускал случай поговорить с отшельником, который, очевидно, поселился тут окончательно.

Не было никакой возможности вовлечь его в разговор о его личных делах; впрочем, он ни о чем не говорил охотно, и только в последнее время заметно было, что яростный характер его нелюдимства начинал смягчаться или, скорее, что на него реже находили припадки безумия, одним из признаков которого была именно эта преувеличенная мизантропия. Никакими убеждениями нельзя было заставить его принять какой-нибудь подарок, помимо предметов первой необходимости, хотя Эрнсклиф не раз пытался навязать ему то или другое из человеколюбия, тогда как суеверные соседи делали то же из других побуждений. За такие приношения он отплачивал им полезными советами, когда они приходили просить его помощи для своих больных или для захворавшего скота. С течением времени окрестные крестьяне привыкли обращаться к нему с такими просьбами. Он часто давал им, помимо советов, и сами лекарства, и оказывалось, что у него бывали не только травы местного производства, но и различные заморские снадобья.

Он говорил своим посетителям, что его зовут Элшендер – пустынный; но народ вскоре стал называть его Умником Элши или Мудрецом Меклстон-мура. С ним совещались не только по поводу телесных недугов, но нередко спрашивали его мнение насчет других вещей; и он подавал столь мудрые советы, что в краю еще более утвердилась вера в сверхъестественное происхождение его познаний.

Просители приносили обыкновенно какое-нибудь вознаграждение и клали его на камень на некотором расстоянии от домика. Если это были деньги или что другое, чего он не желал принять, он или выбрасывал вон такие дары, или просто оставлял их на месте, не притрагиваясь к ним. Во всех случаях его обхождение и манеры были суровы и необщительны, а речи по возможности кратки и отрывисты; так что он произносил ровно столько слов, сколько было необходимо для выражения его мысли. Когда миновала зима и в садике у него начали поспевать овощи и зелень, он питался ими почти исключительно. Впрочем, он принял в подарок от Эрнсклифа пару коз, которые паслись у него на лужайке и доставляли ему молоко.

Убедившись, что дар его принят, Эрнсклиф вскоре после этого пришел в гости к отшельнику. Старик сидел на широком и плоском камне у двери в свой сад: это было то место, где он заседал обыкновенно, когда принимал посетителей и подавал медицинские и иные советы. Что до внутренности его хижины и самого сада, это были такие священные места, куда никто не имел доступа: вероятно, он считал бы их оскверненными, если бы туда ступила нога человеческая. Когда он запирался у себя дома, никакими просьбами нельзя было добиться, чтобы он показался или выслушал кого бы то ни было.

Эрнскиф ловил рыбу в речке, протекавшей неподалеку оттуда, и пришел с удочкой в руках, неся за плечами корзину, наполненную форелью. Он сел на камень, лежавший почти против карлика, который настолько успел привыкнуть к присутствию этого гостя, что, слышав шорох, только приподнял свою громадную косматую голову, с минуту уставился на него, потом опять опустил ее и впал в глубокую думу.

Эрнскиф между тем оглянулся вокруг и заметил, что отшельник успел пристроить к своему жилищу сарайчик или хлев для коз.

– Вы удивительно трудолюбивы, Элши, – молвил он, желая втянуть в беседу этого странного человека.

– Труд, – отозвался карлик, – есть наименьшее из зол, доставшихся в удел человеческому роду. Лучше работать так, как я, чем забавляться так, как вы.

– Да, не могу сказать, чтобы наши обычные деревенские забавы отличались милосердием, Элши, однако...

– Однако, – перебил его карлик, – они все же лучше ваших обычных занятий; лучше прилагать легкомысленную и праздную жестокость к бессловесной рыбе, нежели к себе подобным. Впрочем, отчего же? Пускай все человеческое стадо перебьет друг друга, пускай все передерутся, упыются кровью, уничтожат взаимно всю породу, покуда не останется на свете последний экземпляр... один-единый, рослый и упитанный бегемот... и когда он сожрет останки своих собратий, обгложет все их косточки, больше нечем будет питаться ему, и он несколько дней станет реветь с голоду, а потом начнет умирать и, наконец, издохнет... Вот был бы конец, достойный всей породы!

– Ваши дела гораздо лучше ваших речей, Элши, – молвил Эрнскиф, – сами вы способствуете сохранению этой породы, о которой отзываетесь с такою ненавистью.

– Так, а зачем я это делаю? Слушайте, вы из тех, на кого я взираю с наименьшим отвращением, а потому, так и быть, потрачу несколько лишних слов, чтобы разрушить ваше ослепление. Раз я не могу причинять заразных болезней в семействах, насылая падеж на их стада, я достигаю тех же разрушительных целей именно тем, что способствую продолжению их жизни. Если бы я допустил Алису Боур умереть прошлой зимой, разве молодой Рутвен был бы убит по весне из-за любви к ней?.. Никто и не думал держать своего скота за крепкой оградой, покуда свирепый грабитель из Уэстбернфлета лежал больной, при смерти... Но как только я вылечил его и поставил на ноги, так ни одного стада не выпускают в поле без сторожей и не ложатся спать, не спустив с цепи злейшего пса!

– Признаюсь, – отвечал Эрнскиф, – вы не очень облагодетельствовали общину тем, что вылечили этого человека. Но зато вы же помогли моему другу Габби. Он славный малый, этот Габби Эллиот из Хейфута! Зимой он лежал в злой горячке, от которой мог бы умереть, если бы не ваше врачебное искусство.

– Вот как думают в своем невежестве презренные сыны праха, – молвил карлик, злорадно улыбаясь, – и вот как они судят по своему неразумию. Возьмите котенка от дикой кошки и приручите его – какой он будет веселый, какой забавный игрун и какой смирный! Но попробуйте дать ему поиграть с вашей дичью, с вашими ягнятами, цыплятами, и врожденная кровожадность возьмет свое: он набросится, будет царапать, рвать когтями и пожирать.

– Таков его звериный инстинкт, – сказал Эрнскиф, – но что же тут общего с Габби?

– Это его эмблема, его портрет, – возразил отшельник. – Он теперь смирен, спокоен и приручен, потому что его врожденным наклонностям еще не было случая проявиться; но пусть прозвучит боевая труба, пусть только он почует запах крови – и он будет так же свиреп, как любой из его диких предков, беспощадно поджигавших убогие жилища безоружных поселян. Вы не можете отрицать, что и теперь он часто подстрекает вас отплатить кровавой мстью за обиду, нанесенную вам в детстве!

При этих словах Эрнскиф невольно вздрогнул, но карлик, как бы не замечая его удивления, продолжал:

– И труба зазвучит, и кровожадный юнец почует кровь, а я тогда посмеюсь и скажу: вот для чего я позаботился о твоём здоровье! – Он опять помолчал, а потом прибавил: – Значит, вот каково мое лечение; цель моя – увеличивать сумму бедствий и даже в этой пустынной глуши участвовать в общей трагедии. Если бы вы заболели, я бы мог, из жалости, вместо лекарства прислать вам яду.

– Премного вам обязан, Элши, и, в случае чего, не премину обратиться к вам за помощью, особенно после того, как вы меня так приятно обнадежили.

– Советую не слишком льстить себя надеждой, что я так уж непременно поддамся чувству жалости к вам, – сказал карлик. – И в самом деле, к чему избавлять глупца, так отлично приспособленного к перенесению житейских зол, от всех бед, которые сулит ему жизнь, отчасти потому, что он от нее слишком многого ждет, а частью оттого, что люди так подлы? С чего я возьму на себя роль сострадательного индейца, одним ударом томагавка раскраивающего череп пленнику, и тем помешаю моим землякам три дня кряду забавляться его мучениями, тогда как они уж и костер раздули, и клещи накалили, и котлы кипят, и ножи наточены, и сами они жаждут рвать его тело на клочки, жечь каленым железом, обливать кипятком и всячески издеваться над ним?

– Вы изображаете жизнь в ужасных красках, Элши, но это меня не пугает, – отвечал Эрнскиф. – Мы посланы в мир, с одной стороны, чтобы терпеть и страдать; но с другой – нам дано действовать и наслаждаться. После трудового дня наступает вечерний отдых, и даже в терпеливом перенесении страданий бывает известная доля отрады, если имеешь утешительное сознание исполненного долга.

– Я презираю это рабское и скотское учение! – воскликнул карлик, и глаза его загорелись безумной яростью. – Я ненавижу его, оно достойно лишь бездушных скотов! Но не хочу больше тратить с вами слов!

Он вскочил со скамьи и хотел войти в хижину, но на пороге остановился и, обернувшись, прибавил с величайшим жаром:

– А чтобы вы не думали, что источником моих так называемых благодеяний служит дурацкое и раболепное чувство, именуемое любовью к ближним, знайте, что если бы на свете был человек, который обманул бы сладчайшую надежду моей души, истерзал бы мое сердце в клочки, иссушил бы мой мозг и довел бы его до белого каления, и будь жизнь и судьба этого человека в моей власти, так же как вот эта посудина, – он схватил стоявшую возле него глиняную чашку, – я бы и не подумал расшибить его вдребезги, вот так! – Он со всей силы швырнул ею в стену, и чашка разлетелась на мелкие кусочки. – Нет! – Тут он заговорил тише и спокойнее, но с невыразимой горечью. – Я бы его ублажал, окружил бы его богатством, одарил могуществом, чтобы хорошенько разжечь его дурные страсти, развить его злую волю; я дал бы ему все средства к удовлетворению его пороков и подлых наклонностей; он был бы центром непрерывного водоворота, без отдыха кипел бы сам в своей злобе и в то же время имел бы свойство губить каждую утлую ладью, попадающую в его соседство; подобно землетрясению, он потрясал бы саму почву, его несущую, и всех ее обитателей превращал бы в бездомных, безродных и злополучных уродов... как я!

С этими словами несчастный опрометью бросился в хижину, захлопнул за собой дверь и задвинул ее двойным засовом, как бы с тем, чтобы избавиться от вторжения ненавистного человечества, доведшего его душу до такой безумной ярости.

Эрнскиф ушел отсюда со смешанным чувством ужаса и сострадания, раздумывая о том, какие странные и печальные причины могли довести до такого жалкого состояния человека, который, судя по его речам, очевидно, был и по рождению и по образованию гораздо выше простолюдина. Не менее удивляло его и то обстоятельство, каким образом этот отшельник,

живший так уединенно и так еще недавно здесь поселившийся, мог узнать столько подробностей касательно образа мыслей, характера и частной жизни своих соседей.

«Что удивительного, – думал Эрнсклиф, – что, обладая такими сведениями, живя такой жизнью, обладая такой поразительной внешностью и выражая столько ненависти и презрения к человечеству, этот бедняк прослыл колдуном и люди думают, что он связался с врагом рода человеческого!»

Глава V

*И каменный утес в глуши уединенной
Невольно чувствует дыхание весны;
Апрельская роса и солнца луч приветный
В поблекший горный мох вливают жизнь и свет.
Так точно и в душе, не ведавшей отрады,
Внезапно дрогнет жизнь при виде женских слез;
И долю мрачную, в борьбе с судьбой суровой,
Улыбка женская весельем озарит.*

*Бомонт*²³

По мере того как весна подвигалась вперед, погода становилась теплее и отшельник все чаще выходил посидеть на широком камне у дверей своего жилища. Однажды около полу-

²³ Бомонт Фрэнсис (1584–1616) – английский драматург, писавший совместно с Джоном Флетчером (1579–1625).

дня, когда он сидел таким образом, на некотором расстоянии от его хижины пронеслась целая толпа дам и джентльменов верхом на борзых конях, в сопровождении множества слуг. Собаки, соколы, запасные лошади дополняли их штат, и воздух по временам оглашался криками охотников и звуками охотничьих рогов. При виде этого веселого сборища отшельник встал с намерением уйти в хижину, но в эту самую минуту перед ним внезапно очутились три молодые девушки со своей прислугой: они, очевидно, отделились от остального общества и подъехали с другой стороны, потому что им показалось любопытно посмотреть вблизи на мудреца Меклстон-мура. Завидев его, одна из них вскрикнула и закрыла лицо руками, как будто не ожидала возможности подобного уродства. Другая, стараясь скрыть свой ужас и посмеиваясь истерически, спросила карлика, не согласится ли он предсказать им их судьбу. Третья, которая была гораздо лучше одета, несравненно красивее остальных, да и лошадь под ней была породистее, выехала вперед, как бы желая поправить неделикатную выходку своих подруг.

– Мы сбились с дороги через болото и отстали от наших спутников, – сказала эта девушка, – но, увидев, что вы сидите у дверей вашего дома, дедушка, мы подъехали спросить...

– Перестаньте! – перебил ее карлик. – Как вы молоды и какая уже мастерица лгать! Вы сами знаете, зачем вы сюда заехали: затем, чтобы противопоставить свою молодость, богатство и красоту моей старости, бедности и безобразию и насладиться этим. Занятие, вполне достойное дочери вашего отца, но – ах! – как оно не пристало дочери вашей матери!

– Стало быть, вы знаете моих родителей и знаете, кто я?

– Знаю. В первый раз вижу вас наяву, но часто видел во сне.

– Во сне?

– Да, Изабелла Вэр, только во сне. Что же может быть общего между тобой или твоим семейством и моими мыслями наяву?

– Ваши мысли наяву, сэр, – подхватила одна из подруг Изабеллы Вэр с напускной важностью, – вероятно, заняты какой-нибудь премудростью, а глупости могут посещать вас только во сне.

– А вот твоими мыслями глупость владеет всецело и во сне и наяву! – возразил карлик с запальчивостью, которой трудно было ожидать от философа и отшельника.

– Господи помилуй, – воскликнула веселая девица, – должно быть, он и в самом деле всеведущий пророк!

– Это так же верно, как то, что ты женщина, – продолжал отшельник, – женщина... то есть барышня, модная барышня. Вы просили погадать, какая будет ваша судьба? Это очень легко предсказать: всю жизнь вы будете гоняться за вздором, которого не стоит ловить, и каждый раз, как поймаете, бросите. От первого младенчества до глубокой старости будет все то же: в детстве – игрушки и веселье, в молодости – любовь со всеми ее дурачествами, в старости – вист или бостон, иных интересов у вас не будет... Цветы и бабочки весной, бабочки и чертополох летом, блеклые листья осенью и зимой. Все в свое время, за всем поочередно будете гоняться, ловить и бросать. Отойдите прочь – ваша судьба предсказана!

– Стало быть, не только гоняться, но и ловить! – со смехом повторила шалунья, прихоронившая кузину Изабелле Вэр. – Слышишь, Нэнси, – продолжала она, обращаясь к трусихе, прежде всех увидавшей карлика, – это все-таки что-нибудь да значит. А ты будешь пытаться свою судьбу?

– Ни за что на свете, – сказала та, пятясь назад, – с меня довольно и того, что я слышала о тебе.

– Ну так я заплачу ему за предсказание, – сказала мисс Илдертон, подавая карлику деньги, – ведь принцессы всегда награждали прорицателей.

– Правды нельзя ни купить, ни продать, – молвил предсказатель, с суровым презрением отстраняя предлагаемую награду.

– Хорошо, – сказала молодая девушка, – эти деньги я приберегу, мистер Элшендер, они мне пригодятся для той гонки, в которой я буду проводить жизнь.

– Еще бы не пригодились, – сказал циник, – без них немногие добиваются успеха, да и за вами при деньгах охотнее будут гоняться... Постой, – обратился он к Изабелле Вэр, между тем как ее подруги отъезжали прочь, – с тобой я еще поговорю. У тебя есть все, к чему стремятся твои спутницы, все, чем они желали бы блистать: красота, богатство, положение, таланты...

– Простите, что я последую за моими подругами, дедушка. Уверю вас, что лезть мне неприятно, а гадать о своей судьбе я не желаю.

– погоди, – продолжал карлик, ухватив ее лошадь под уздцы, – я не простой гадалщик и не льстец. Все упомянутые блага, все – и каждое из них – сопровождаются соответствующими бедствиями: несчастная любовь, помехи в привязанностях, мрачная келья монастыря или ненавистный брак... Я, желающий зла всему роду человеческому, не нахожу, чего бы еще пожелать тебе, так твоя жизнь и без того полна несчастьями!

– Коли так, дедушка, дайте же мне наилучшее утешение в горе, пока еще в моей власти делать добро. Вы старый человек, вы бедны; если вас постигнет болезнь или нужда, вы слишком далеко живете от людской помощи; ваше положение таково, что возбуждает подозрительность простого народа, а он часто способен на самые грубые выходки. Дайте мне случай думать, что я могла бы облегчить судьбу хоть одного человеческого существа. Примите пособие, какое я могу дать вам, сделайте это ради меня, если не хотите для себя; я тогда, если действительно со мной случатся все те несчастья, которые вы предсказывали, – они очень вероятны! – буду, по крайней мере, знать, что не даром прошли мои лучшие годы.

Старик произнес прерывающимся голосом и как бы не обращаясь к своей собеседнице:

– Да, именно так должна ты думать... так должна говорить, если человеческие речи и мысли могут передаваться другому существу... Но нет! Это не то, не то... не может быть! Однако подожди здесь, не уезжай, пока я не ворочусь.

Он вошел в свой садик и принес оттуда полурасцветшую розу.

– Ты заставила меня прослезиться, а этого со мной не случалось уже многие годы! За такое доброе дело прими от меня этот знак моей признательности. Это самая обыкновенная роза, но ты береги ее, не бросай. Когда настанет для тебя черный день, приходи ко мне: покажи мне эту розу или хоть один лепесток от нее, хотя бы он успел высохнуть так же, как мое сердце, и хотя бы ты застала меня в припадке злейшей ярости против ненавистного мне света. Этот цветок навеет на мою душу лучшие мысли и, может быть, внесет в твою жизнь лучшую долю. Но никого не посылай ко мне! – воскликнул он вдруг, по обыкновению переходя в неожиданный порыв гнева. – Не нужно мне посланцев! Приходи сама, и то сердце и те двери, которые заперты от всех остальных существ, откроются для тебя и для твоих печалей. А теперь ступай!

Он выпустил поводья, и молодая девушка, поблагодарив его насколько сумела, уехала от этого странного человека, дивясь его загадочным речам. Она несколько раз оборачивалась и смотрела на карлика, а он все стоял у своей двери, глядя ей вслед, пока она ехала через болото, направляясь в замок Эллисло, поместье своего отца. Наконец она скрылась за холмом вместе со своими спутницами.

Девушки между тем смеялись и шутили с мисс Вэр над своим визитом к знаменитому знахарю и мудрецу Меклстон-мура.

– Изабелле постоянное счастье во всем, – говорила одна, – ее сокол заклевал самого крупного глухаря, ее глаза привлекают лучших кавалеров, в ее присутствии нам, бедным, нет никаких шансов на успехи в свете, даже колдун и тот не устоял перед ее прелестями! Милая Изабелла, будьте великодушны, оставьте что-нибудь и на нашу долю или откройте лавочку и назначьте распродажу того, что вам самим не нужно.

– Сделайте одолжение, возьмите хоть все, – отвечала мисс Вэр, – и колдуна в придачу, – я вам дешево уступлю.

– Нет, колдуна следует уступить Нэнси, – сказала мисс Илдертон. – Для равновесия... знаете, она сама не мастерица очаровывать.

– Господи! – воскликнула младшая мисс Илдертон. – Что же я буду делать с таким чудищем, сестра? Я только раз на него взглянула и то зажмурилась. И, вообразите, хотя все время оставалась с закрытыми глазами, мне все казалось, что я его вижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.